

«ГОДЫ» КАК ИМЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

В диалекте существительное ГОДЫ является одним из имен разнородных темпоральных концептов традиционной культуры.

Среди них – специфичный концепт «совершенного возраста», который испытал влияние элитарной культуры.

Ключевые слова: концепт; возраст; традиционная культура; диалект.

Мысль о своеобразии концептуализации мира в разных языках восходит еще к трудам Вильгельма фон Гумбольдта. Сегодня исследователи понимают, что и в рамках одного языка концептуализация различных фрагментов действительности весьма неравномерна и не стабильна, при этом «именно слова, заключающие в себе специфичные для данного языка концепты, обладают особой мобильностью в отношении семантических изменений» [1. С. 75]. В равной мере это характерно и для диалектного языка.

Ставшие классическими работы А. ван Геннепа, Б. Малиновского, М. Мид, Ф. Ариеса, А. Шютца, К. Гирца, Ш. Эйзенштадта, Л.Н. Гумилева, А.Я. Гуревича, Т.А. Бернштам показали, что большинство известных в настоящее время культур так или иначе концептуализируют возраст. После суточного цикла жизненный цикл – самый доступный человеку темпоральный опыт: он усваивается из наблюдений за любым организмом. Никаких объективных возрастных этапов и их границ не существует в силу постепенности и непрерывности онтогенеза. Тем не менее некоторые проявления возраста – питание молоком матери, начало говорения (применительно к человеку), физиологическая способность или неспособность производить потомство – издавна приобрели яркую символическую функцию. Безусловно, наиболее выпукло и четко культура прорисовывает оппозицию возрастных полюсов, представленных молодостью (детством) и старостью организма, поскольку на них накладывается семантика начала и конца, которые часто сакрализуются; к тому же в данном противопоставлении реализован устойчивый принцип дуальной интерпретации мира. В целом возрастные группы, по мнению социологов, являются древнейшим типом общественной организации, и поныне достижение той или иной возрастной ступени обеспечивает человеку определенный социальный ранг и идентичность. Однако все подобные границы, рубежи, пределы, ступени, стадии, фазы, периоды, этапы и т.д. – не более чем условность, поддерживаемая национальной культурной традицией. Более того, даже в ее рамках элитарная, профессиональная и т.д. концептуализация возраста далеко не однозначны.

В русском языке существуют общие термины, описывающие стадийное развитие человеческого организма. В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым реконструированы праславянские элементы, которые кодировали четыре основных поры (возраста) человеческой жизни в древней культурно-языковой традиции: **orb-*, **jun-*, **mčž-*, **star-*, более поздним образованием они считают **mold-* [2]. В византийских текстах постоянно уже семичленная градация жизненного пути [3]. В.И. Даль приводит «обычную» для середины XIX в. пятичленную систему терминов: *младенческий* – *отроческий* –

юношеский – *мужеский* – *старческий* возраст, предлагая дополнить ее еще четырьмя членами: *утробный*, *детский* (*ребячий*), *возмужалый*, *дряхлый*. Т.А. Бернштам считает, что у крестьян в классический период русской традиционной культуры (далее – ТК) преобладало представление о трех фазах жизненного цикла, но в отдельных локальных традициях их выделялось до девяти [4]. В современное обыденное сознание прочно вошли *детство* и *зрелость*, но *отрочество*, пожалуй, сдает свои позиции. Теоретический уровень познания порождает более широкое поле возрастных номинаций. Так, социологи ввели термины *возраст дожития*, (*пред*)*пенсионный*, *третий* возраст, в юридическом дискурсе апеллируют к возрасту *уголовной ответственности*, а также (*до*)*брачному*, (*до*)*призывному*, *трудоспособному* возрасту и возрасту, *дающему право быть избранным* на определенную государственную должность, медицинский дискурс связан с *пубертатным*, *репродуктивным* возрастом. С другой стороны, наука различает *биологический*, *хронологический*, *психологический*, *социальный* возрасты, а в беллетристике встречаются номинации *почтенный*, *солидный*, *степенный*, *бальзаковский*, *ветреный* возраст.

Значительное внимание возрастному символизму уделялось на всех этапах развития христианства, с которым многими нитями связана ТК России. В центре христианской трактовки возраста стоит человек, являющий собой подобие «совершенного» творения Господня. Анализируя употребление в старых евангелиях глаголов *коньчити*, *исплънити*, *свьръшити* при переводе греческих лексем *τελέω*, *πληρόω*, В.А. Матвеевко приходит к выводу о том, что на славянской почве *свьръшити* имеет метафорическую прибавку ‘в движении достигнут верх, т.е. лучшее, совершенное’ и несет положительные коннотации [5]. «Совершенство» возраста воплощено, прежде всего, мужчиной в «том периоде жизненного цикла человека, который характеризуется максимальными жизненными потенциями» [2. С. 89]. Одновременно для православного вероучения характерно «разделение мужского совершеннолетия как бы на две стадийные фазы – молодую = “неполную” (телесную, брачную) и старую = “полную” (разумную, духовную)» [4. С. 242]. Учение церкви отразилось на формировании в XVIII–XIX вв. представлений о возрастных этапах в российском гражданском праве. Так, в 1874 г. для представителей крестьянского сословия была введена всеобщая воинская повинность с 21 года. С другой стороны, мирское самоуправление у крестьян Сибири подчинялось требованиям «Общего положения о крестьянах», согласно которому право участия в сельских сходах имели домохозяева (мужчины) с 25-летнего возраста. В результате в крестьянской среде не было выработано единой границы совершен-

нолетия как возраста гражданской дееспособности, и законы ориентировались на разные фазы человеческого взросления.

Отголоски подобного положения в ТК до сих пор различимы в языковых единицах старожильческих говоров Среднего Приобья и фиксируются словарями. Официальные термины *совершеннолетний* и *несовершеннолетний* помещены только в полном «Вершининском словаре» (*Венчали совершеннолетнего, а то воровали убёгом, если родители не хотят венчать; То несовершеннолетня [заведовала клубом], то распушиенна така*). Остальные издания, будучи дифференциальными, лексикографируют локально ограниченные однословные и сверхсловные единицы: **летний**: *Я уже совершенно взрослая стала, летняя; несовершенный*: *Молоды ещё были, несовершенно; Семнадцать лет [внучке]. Несовершенно; совершенство лет*: *До совершенства лет всё шея набок была; возраст лет*: *Я его воспитал до возрасту лет*.

Поскольку среднеобские говоры относятся к наиболее изученным в настоящее время русским диалектным системам, может казаться, что лексическое поле концепта выявлено. Однако анализ словарей вскрывает некоторые неточности и лакуны, от чего не свободен ни один лексикон. Например, связанную единицу **быть на возрасте** в «Среднеобском словаре» сопровождают некорректные толкования ‘быть взрослым’ и ‘быть старше других’: *А это был на возрасте, учился. Пять лет служил, вышел [с военной службы] в гражданску; Двадцать лет мне было. Одна [в деревне] на возраст была*. Сомнительность такой трактовки подтверждают тексты, эксплицирующие количество лет, связанное с данной возрастной ступенью: *У ей девочка на возрасте, лет шестнадцать-семнадцать; Анюша на возрасте, всё равно уж. Ему восемнадцатый год*. Выводы В.А. Матвеевко заставляют обратить внимание еще на один контекст в картотеке «Вершининского словаря» (*До поднову возрасту* (1985)), несмотря на то, что лексикографы не сочли **полный возраст** самостоятельной номинацией совершеннолетия. Данная единица функционирует в нескольких среднеобских говорах: *В Петров день – я уж полна была, восемнадцать лет мне было, работала – с тятенькой надоть на реку ехать* (Нов. Колп. 1986, запись К.А. Трифионовой, 1904 г.р.); *Ну, мне лет семнадцать, восемнадцать было. Прямо полна девка, не така, что мленька* (Том. Верш. 1995, запись В.П. Вершининой, 1909 г.р.). СРНГ фиксирует номинации **полный возраст**, **полные года** в значении ‘совершеннолетие’ в говорах севера России. Все это подтверждает трактовку полноты как подлинного, истинного проявления феномена, в отличие от его ненастоящих или ущербных воплощений [6].

Тот факт, что практически во всех названных случаях в распоряжении лексикографов имелись единичные контексты, заставляет задуматься о специфике «совершенноного возраста» на фоне других возрастных концептов ТК. Границы данного возрастного этапа размыты, и соотношение трех его конститутивных элементов – физиологии, инициации и права – достаточно специфично для каждой национальной традиции. Данные среднеобского дискурса не позволяют говорить об особой выделенности (соответственно, значимости)

этих границ. «Совершенный возраст» не столько определяется активностью человека в гражданско-правовой сфере, сколько представляет зенит, полноту его развития. В результате «совершенный возраст» не тождествен ни совершеннолетию, отсылающему к законодательным нормам, ни зрелости, дальше отстоящей от молодости. Для типов русской культуры, «орудием» которых выступает литературный язык, данный концепт не релевантен, о чем красноречиво свидетельствуют работы последних лет.

Касаясь плана выражения концепта «совершенного возраста» в диалекте, следует учитывать возможность дисперсной апелляции к нему и множественность «входов». Есть все основания полагать, что таким «входом», наиболее значимым для ТК русских старожиллов Среднего Приобья, является имя годы (года). Не случайно и В.И. Даль в своей дефиниции связывает данные понятия: «**полный возраст**, состояние растения или животного, **вошедшего во все года**» [7. Т. 1. С. 200].

История общеславянского корня *god- не раз привлекала внимание лингвистов [7–8]. Формирование понятия «год» в течение нескольких веков сопровождалось снятием оценочности. Историки языка не отмечают каких-либо семантических особенностей формы мн. числа «годы» в древнерусском языке. В синхронном плане МАС фиксирует у существительного «год» пять значений, из которых с формой мн. числа связаны два: ‘период времени в некоторое количество лет’ и ‘возраст’. Толкования помещенных в словарной статье устойчивых сочетаний «годы вышли», «войти в года», «в годах», «не по годам», «с годами» эксплицируют семантические признаки ‘взрослость’ и ‘возрастная норма’.

Большинство областных лексиконов, будучи дифференциальными, не представляют полного набора значений этого существительного и их дистрибуции в семантическом пространстве конкретной диалектной системы, и при анализе остается руководствоваться идеей С.М. Толстой [6] о том, что важнейшими показателями семантических свойств слова остаются его отношения с парадигматическими партнерами (коррелятами). На этом фоне разноаспектные среднеобские словари лексикографируют существительное *годы (года)* в составе гораздо более широкого ряда связанных единиц, чем тот, который отмечен в МАС. Анализ показывает, что они неодинаково связаны с концептуализацией времени: имя ГОДЫ (ГОДА) отсылает к гетерогенным темпоральным концептам, относящимся / не относящимся к возрасту.

Концепт, который можно условно назвать ГОДЫ₁, напрямую с возрастом не сопряжен. Он репрезентирует «свое» (присвоенное) время говорящего или его «мы-группы», формируясь «в сознании адресата при помощи совокупности значения языковых единиц, которые не являются средствами его номинации» [10. С. 12]. Отсылка к нему в дискурсивной практике носителей ТК обеспечивает лояльность говорящего к «своему» миру, воплощенному «своим» временем, и солидарность с ним не только формальную, внешнюю, но и эмоциональную, духовную, личностную [11]. Внутренняя форма данных единиц отмечена значительным сходством: их стержневым словом является (а) номи-

нация темпорального континуума: *в моих (наших) годах, при моём веку (веке), при моём време, на моём време, при моём (нашем) возрасте, на наших днях*; (б) номинация экзистенции: *при моих (моей) живностях (живности), на моей жизни, при моей (нашей) бытности, при моей (нашей) бытности, при моей быти, при моём быту, при моём виде*; (в) номинация важнейшей функции сознания сохранять и воспроизводить прежний опыт – памяти: *в моей (нашей) памяти, в моих (наших) памятях, на моей (нашей) памяти, на моём (нашем) памяти, при моей (нашей) памяти*.

Как видим, язык манифестирует взаимосвязь экзистенции, времени и памяти. Смысловое отношение «экзистенция – время» достаточно тривиально, однако сопряжение времени и памяти оказывается более сложным. В рамках ТК память расценивается очень высоко и как необходимое в быту искусство запоминания, и как инструмент выстраивания иерархии среди членов общины, и как социальное обязательство [12]: *Память така: если я где был, чё делал – всё вспомню; К ей сходите, она памятна; Она как по воде бредёт, у ей память богата; Он росси́йский, память у него жестокая; У нас мама шибко памятлива была, шибко, вот и Николай [такой]; Может, Вера Прокофьевна, у ей тоже память хороша, может, она припомнит, как баушку мою звали; Отец заспорился, а сноха Феня говорит: «Не спорьте с мамой, её память больше»; Даже знаешь, есь старше меня. А всё помнят; Это кто в памяти, старый, там интересней. Память все же зависит от возраста: люди обретаю́т ее только на определенной ступени онтогенеза, а старение человеческого организма часто влечет ослабление или утрату этой способности, что является устойчивым мотивом диалектного дискурса: *Мила моя, шисят лет, кого же я спомню?; Теперь уж всё забыла – сколько годов живу!; До этих пор живём – всё пере забудешь; Всё и не припомнишь: память вышибло, уж старый стал; К нам приезжали песни петь. И вот Анна запела, а Аксинья подхватила. А я вот всё забываю уже песни; У меня ведь правда – память-то плоха стала. Я ведь чунарь и чунарь стала теперь; Памяти уж ничё не стаёт*.*

Обратимся теперь к собственно возрастным концептам ГОДЫ₂ и ГОДЫ₃. Для когнитивно ориентированной науки общим местом является тезис о том, что человеческое сознание, сталкиваясь с абстрактными сущностями, осмысляет и описывает их в терминах предметов и явлений физического мира. Б. Уорф одним из первых привлек внимание к тому факту, что в индоевропейской ментальности таким образом интерпретируется и время: ненаблюдаемое время уподобляется наблюдаемому пространству, а предшествование / следование во времени может описываться как положение в точке пространства. В современной семантике аксиоматично положение о том, что именно движение в широком смысле способствует созданию темпорально-пространственных моделей, наиболее адекватно воспроизводящих образ мира. Иными словами, наша уверенность в объективности потока времени подкрепляется в том числе повседневным языковым опытом. Именно языковые метафоры рождает ряд привычных характеристик времени: его линейную протяженность, движение, однонаправленность этого движения, неод-

нородность, субстанциональность, позицию наблюдателя (см. работы Н.Д. Арутюновой, Д.С. Лихачева, Т.В. Цивьян, Ю.С. Степанова, Б.А. Успенского, А.Д. Шмелева, Г.И. Берестнева, Д.А. Катунина и др.). Возраст же – один из самых ярких ликов времени.

Пространственная метафора, объективирующая собственно возрастные изменения, предполагает разные субъекты действия. В литературном языке в рамках модели, где субъектом действия является время, некоторые возрасты могут «начинаться» (*наступать, подходить, приходить, даже подкрадываться*), некоторые возрасты могут «кончаться» (*уходить, проходить, протекать, пролетать, проноситься*). Данная модель оязыковлени движения времени не знает отличий между возрастными ступенями и темпоральными континуумами иной природы – сезонами года, праздниками и т.д.: *Всё жалею студентов. Всю жись учутся и учутся. А жись-то идёт, а молодость проходит...; Как Ильин день прошёл, так лён начинают дёргать*. Не приходится говорить о какой-либо диалектной специфике и при переходе текстов диалектного дискурса на регистр народно-поэтической речи: *Все мои семнадцати годики ушли, прошли, прокатились; Теперешнюю жизнью – жить только, да старось подкатилась, пришла, не знаю когда; Со Здвиженья зима. В ранние годы с Покрова зима падает*.

В рамках модели, где время остается статичным, а субъектом действия оказывается человек, его вступление в тот или иной возраст, не называемый точным количеством лет, описывается глаголом *достичь*. Интересно, что первая возрастная ступень (или граница?), которую достигают, – это именно совершеннолетие (ср. некорректные выражения **достичь детства, юности*). Некоторые рассматриваемые через призму данной языковой модели возрасты обладают своеобразными топологическими свойствами: чтобы достичь следующего, не надо покидать предыдущий, а пребывание в каком-то одном не отменяет пребывания в другом. Так, пенсионный возраст не отменяет того обстоятельства, что человек по-прежнему является совершеннолетним. **«Возрастные пространства», описываемые данной языковой моделью, имеют одну границу.** Дело в том, что в литературном языке нет глагола, описывающего «удаление», «выход» из какого-то возраста, его «покидание».

На этом фоне анализ диалектного языка позволяет выделить возрастную стадию, по отношению к которой человек остается субъектом действия, не только проникая в нее, но и покидая. Именно эта фаза возраста известна носителям ТК Среднего Приобья под именем ГОДЫ₂ (ГОДА) и репрезентирует концепт «совершенного возраста». По материалам СРНГ, некоторые из анализируемых далее апелляций к данному концепту встречаются и в других диалектных системах: *идти в годы* (арх.), *войти (выйти) в года* (кузб., тюм., тобол.), *выйти из годов (с год)* (кузб., тюм., краснояр.), *выйти из лет* (алт.), *уйти из годов* (омск.), *отойти от годов* (амур.), *под годами* (алт., иркут., новос., курс.), *в годах* (перм.), *без годов* (калуж.), *не под года* (иркут.). Однако неполнота языкового материала в настоящее время не позволяет смоделировать концепт ГОДЫ₂ в какой-либо из русских диалектных систем помимо среднеобских говоров.

Итак, в темпоральной области ГОДОВ₂ люди оказываются естественным образом, – двигаясь по «пространству» времени. Обычное вступление в «совершенный возраст» описывается выражением *войти в года*. Заметим, что, в отличие от глаголов *дойти до* и *достичь*, у которых ясно значение достижения цели перемещения, глагол *войти* обозначает не телеологичное движение: *В года вошёл, наделили меня лесом; Вот рос вялый, но в года войдёт – выдобрет; Как шешнаццать лет исполнится, так войдёт в года; Она в года вошла – ну, пятнадцат, шестнадцат, семнадцат лет, созрела. Поумнела. Была дуручка, а теперь поумнела*. Последний текст относится к числу немногих, эксплицирующих размытость (нижней) границы «совершенного возраста». Однако данная граница так или иначе задана традицией и в ряде ситуаций поддерживается правом. Может ли человек ее сдвигать, меняя возраст, иными словами, манипулируя временем?

Феномен компрессии / растягивания времени в ТК привлекал внимание ученых, начиная с Д.К. Зеленина, как элемент магии. Магическое воздействие времени или на время изучалось прежде всего на материале «операционных» и «житийных» текстов, находящихся на границе акционального и языкового кода ритуала [13–16]. Время при этом выступает и обрядовым объектом, и обрядовым инструментом. Языковая концептуализация «совершенного возраста» позволяет рассмотреть компрессию / растягивание времени вне связи с ритуалом.

Проникновение в область «совершенного возраста» может совершиться вопреки естеству времени: для этого, по свидетельству языка, физическое действие в физической среде (движение) человек заменяет социальным взаимодействием с другим человеком (сделкой) или механическими операциями (работой). Как правило, такое нарушение миропорядка вызывает необходимость заключить брак, что в любой ТК ограничено темпоральными нормами. Они связаны не только с возрастом, но и с сакральностью / профанностью сезона: *Рано, рано женили [парня]. Ешио... половина дураков; Я выходила вздмуж постом, оттого что одна осталась; Свадьбы-то зимами, летами не делали; Венчались только в пятницу и в среду, в воскресенье не венчались*. В Среднем Приобье браки при юном возрасте невесты (реже жениха) не были распространены, но и не относились к числу экстраординарных событий и имели под собой чисто экономическое основание. Церковные власти по мере сил боролись со священниками, венчавшими с нарушением закона: *А на свадьбу применить можно. Так выньют [совершат обряд, известный как пропой, запой, запоины, рукобитье, сговор], малость не хватат [годов], и то не будут венчать. Попа судют, попа расстригут* (Шег. Труб. 1959).

Социальные манипуляции временем репрезентированы в среднеобских говорах устойчивой единицей *покупать (подкупать) года*: *Работников много [надо]. Вот и женились рано. Кода шибко молоды, дак года у попа покупали* (Алекс. Тыщ. 1966); *У меня мужик годов мало было, купили, свенчались* (В.-Кет. Б. Яр. 1960); *А мене венчать незя [пятнадцатилетнюю]. Поехали, чтоб мне годков-то подписали, легистрировать чтоб. Свёкр купил года. Жила у его сест-*

ры месяца два, потом и перевенчались (Колп. Колп. 1986); *Года подкупят* (Кож. Урт. 1962). Противоестественное механическое передвижение человеком ближе к себе открывающей границы области «совершенного возраста», увеличивающее, удлиняющее ее, как любой дискретный пространственный объект, описывается выражением *надставлять года*: *Мне токо семнадцат было, я замуж вышла. Обоим надставляли года. Сбили [заставили] насильно. Молоды женили* (Том. Верш. 1981).

Случаи, казалось бы, аналогичного намеренного искажения даты рождения вновь наблюдались в конце 1950-х гг. при оформлении колхозникам паспортов. Совершенно утилитарная цель приводит, однако, к тому, что манипуляция временем описывается как процедура приумножения дискретных материальных объектов: *прибавить года*: *Ума-то нет! А Колька говорит: «Раньше же она на пенсию пошла, прибавила года». Кода стали паспорта давать, она сообразила, надо же какая! А я дура. Она сообразила, с пятого года записалась, а она десятого. Прибавила года; А ведь она прибавила себе год. – А теперь убавлять бы, убавил бы их*.

Возможно, на смену предиката в говорах повлияли также игры со временем, фундированные новым мировоззрением. Оно было связано в том числе и с трансформацией темпоральности: прошлое и даже настоящее лишались ценности – победившая идеология признавала ее лишь за будущим (напомним об устойчивости в советском дискурсе определений прошлого как *темного*, а будущего – *светлого*). Все это имело непосредственный выход в такую сферу повседневности, как временная организация труда. Лозунги эпохи типа «пятилетку за четыре года» затрагивали основу картины мира. Деформировал темпоральность ТК и знаменитый трудовой день как мера (единица) труда, применявшаяся в колхозах до 1966 г. (*Где угодится и три-четыре трудодня в день* (Крив. Ник. 1958)), и распространенная практика уменьшения под разными предлогами трудового стажа колхозников при оформлении пенсии (*И вот мы в колхозе-то работали, дак у нас же пропало десять лет, и так работали. У нас с [19]29-ого, а они нам стаж установили с [19]39-ого – слышали об этом, ага?; Двадцать лет стажу. А проработала почти сорок лет. Там не считово, в колхозе*). Отсюда функционирующая в среднеобских говорах связанная единица *скостить года*: *Вот он проковал тридцать лет в кузнице, прожётся, а девять лет [стажа] ему скостили, с [19]39-ого года только на пенсию потти; Годик, два, три скостить*.

Человеческое воздействие на время может выходить за пределы целеполагания или не иметь утилитарных целей: *Сыночек утонул у меня, много он годочков отнял, горе-то большо* (Яшк. Полом. 1967). Ср.: *Сын у меня шесть лет как помер. Жалко-жалко. Так из-за его я и села на шшотки [состарилась], худя стала, сил нету* (Том. Верш. 1977). «Отнимание годочков» – это компрессия стадии «совершенного возраста», а не времени жизни вообще, т.к. последнее может быть констатировано относительно умершего человека, но не себя. Оба информанта имеют в виду девиантность входа в следующую возрастную область.

Проникновение человека в область ГОДОВ₂ влечет за собой статичное пребывание в ней: *годы стали*: По-

сле коллективизации я в промартеле работал, в лес-промхозе работал восемь лет, как только годы стали; **в годах₁**: *Которы [бабы] в годах или постарее – в на-колке. Диалектный дискурс эксплицирует значительную протяженность темпоральной области «совершенного возраста»: Ну, в годах она уходила [замуж], **боле двадцати лет** ей было; В годах, в годах. Двадцать-то, может, пять. Ну, за двадцать. Я говорю, **двадцать пять лет-то** уж: двое детей; Да дочка у них была, не знаю, с какого года. Ну, она в годах уж она... **за тридцать**; Та в годах, **под сорок лет** уж. Континуум «совершенного возраста» лишен внутренней структуры, он предстает целостным: В таё германску участвовал, в гражданску и в эту. На фронт не попал, так около фронта был. Наши года попали в самый переполох, в переустроење жизни.*

Отсутствие каких-либо фаз, синкретичность «совершенного возраста» позволяет проследить родство концептов ГОДЫ₁ и ГОДЫ₂. Не случайно номинация **в наших годах (в наши года)** стала в среднеобском дискурсе ключевым символом присвоения времени, принятия его аксиологии, самоидентификации с ним: *А в наши года не было так. А теперь уж вовсе [не уважают стариков]. А теперь ни за что считают; Свадьбы раньше четыре дня гуляли. Сколь готовить надо было. Вечером – разгонный ужин. Это всегда у жениха. Это в наших годах было, счас ничего этого нету.* Опыт самоощущения во времени рождается именно в «совершенном возрасте». В данном аспекте особенно примечательны записи К.Ф. Вершинина (1900 г.р.): *Тут сосед жил до моих памятей... Постройки тут прямо кругом всё было заведёно. Ну, хозяев тут не было. Один был сын, и тот старик был. До [19]23-его года дожил, а в [19]23-ем умер.* Как видим, сосед, живший рядом в течение детства и юности, не введен носителем ТК в континуум присвоенного времени. Присвоенное время предполагает обязательное несоответствие с моментом речи, зазор между континуумом «своего» времени и точкой «сейчас»: *В наше-то время учителя очень большой вес имели.* Интересно, что принадлежащее публицистическому дискурсу выражение *в своё время*, внутренняя форма которого так же прозрачна, вновь обозначает отсылку к прошлому. Психологическое «настоящее время» (длительность которого здесь не обсуждается) в диалекте маркируют члены лексической парадигмы *эти годы, последние годы, нынешние годы*, «прошлое» – *те годы, первые годы*. Экспликация и тех, и других маркеров является способом отчуждения времени, иными словами, вывода его за пределы континуума ГОДЫ₁. Таким образом, ГОДЫ₂ как «совершенный возраст» если и не полностью идентичны ГОДАМ₁, то образуют их основную часть: *Это уж наши годы, с [19]18-ого стало, а до [19]18-ого кто учил [девочек в школе]? Прясть, прясть, прясть.* Вновь приведем запись К.Ф.Вершинина, сделанную в 1986 г.: *Дак вот до моих годов дожили охрана казаки всё время. От города до Басандайки всё время патрулировали. А кода вот моя мать была молодой, ночами приезжали [даже] сюда проверяли.*

Наконец, каждый человек должен покинуть область «совершенного возраста», в норме употребляя тот же способ, что и для проникновения, – физическое движе-

ние по темпоральному пространству: **выйти (выходить) из годов**: *Коды коров в колхозе развели, я и дояркой работала. А из годов стала выходить, садить всё стали. Мы табак садили; А пока из годов не вышла, всё работала; Я из годов вышла, мне восемьдесят лет; Так как я вышел из годов и накопил сена двадцать шесть центнеров. Прошу это сено мне отдать.*

Несомненно существующая в рамках ТК жесткая связь возраста с социальным статусом человека, с имущественно-правовым аспектом его отношений. Историки языка считают, что по мере развития русской лексической системы слова «возрастных степеней» теряют значения слишком конкретных возрастных периодов, становятся знаками отношения человека к другим людям в обществе [3]. Можно увидеть и вторую закономерность: по мере развития спектра социальных ролей в крестьянской общине, который теперь намного шире, чем в период классического состояния ТК, концепт ГОДЫ₂ в среднеобских диалектах начинает выполнять функцию матрицы языковой концептуализации вновь возникающих социально-возрастных статусов.

Концептуализация «двухграничности» временных континуумов поддерживается в среднеобских говорах почти всей денотативной областью социальных статусов: **выходить (выйти) из подати**: *Вышел из подати; выходить (выйти) из полочки*: *Ничего не сказали, когда дети выходили из полочки. Ну, они же получали за него, за отца, когда он помер; выходить (выйти) из армии*: *В прошлом где сын из армии вышел; Парень из армии вышел, отслужился, токо бы жить; Зять размобилизовался, из армии выходит; выходить (выйти) из декрета*: *А эта как в декрет ушла, а раз она из декрета вышла, должна пойти на работу.*

В классической ТК такую концептуализацию ГОДОВ₂ усиливала еще одна, ныне потерявшая актуальность социальная роль. Авторы дореволюционных документов по планированию земельных наделов и землеустройству в Сибири говорят о «годных работниках», «бойцах». Среднеобские словари сохранили вариантные терминологические номинации *годная (гожая) душа, годный мужик*, не актуализуя, правда, в толковании «крестьянин, плативший в царское время подать государству» сему «возраст»: *Здесь, видите, была подать на годную душу; С гожей души по три рубля в год; Вырешалось обчеством, кубометра по четыре. В чашише сколько вырешат на годную душу; И также подать асударственна с годного мужика три рубля.* Диалектный архив содержит запись Н.А. Волкова (1909 г.р.), где встречается не попавший в словари термин **годный работник**: *Поля определялись так, как вам сказать... В восемнадцать лет выделяли пай, паёк. На елани отводили. У нас было три годных работника, три пайка выделяли (Зыр. Зыр. 1978).* Показательно, что в 1975 г. лексикографировано устойчивое словосочетание **выйти из годных** со значением «потерять трудоспособность». Поскольку *годный, гожий* восходят к существительному *годь*, представляется непротиворечивым описание темпорального континуума ГОДЫ₂ как возраста годной души. Иными словами, выход из годов аналогичен выходу из годных (душ), т.е. из «совершенного возраста», совпадающего с пиком трудоспособности.

Высокий ценностный статус ГОДОВ₂ связан с их потенциями. Соответственно, вход в ГОДЫ₂ сопровож-

ждают приобретения, а выход из них связан с утратами: *Я теперь из годов вышла... Спинушка болит, бо-чушка болит; Теперь я из годов вышел, из силы.* Область, не являющаяся «совершенным возрастом»: *Я косить не стала, мать, потому что не года: семьдесят первый пошёл; Ну, не по годам это [о хорошей памяти].*

Первичность для ТК представленной концептуализации ГОДОВ₂ может быть доказана ее дублированием на уровне уже рассмотренного треугольника «время – экзистенция – память». Период «совершенного возраста» характеризуется наличием физической силы и интеллекта, опредмеченного прежде всего памятью. Темпоральные области до и после ГОДОВ₂ равно означены физической и интеллектуальной немощью неразвитого и изношенного организма. Проявления сущности «совершенного возраста» отражают члены парадигмы *(быть) в крепкости (крепостях), в могу́те, в силе (силах), в самом соку, в самом прыску, *в памяти, *в толке*: *Когда мне было сорок, я там в крепостях был; Ну, та-то – ой, как начала копать! Ну, чё же, в могу́те баба. Пийсют два года, чё ли там; Теперь уж никудышина, а тогда всё равно была в силе; Ну кто в войну не работал? Я в самом соку была. Тридцать с чем-то лет, дак чё?; Лет-то двадцать, сдма пора работать, в силе, в самом прыску; Она в самом прыску была.* Соответствие данным нормам темпоральной картины мира имплицитно подразумевает положительную оценку: *А нам тринадцать-четырнадцать лет, ни силы, ни смекалки* (Том. Верш. 1985). Напротив, девиации эксплицитно подразумевают неодобрение: *Девочка тоже не пошла по пути. Восемнадцатый год, а толку нету* (Том. Верш. 1991). Выход из области ГОДОВ₂ пространственная метафора представляет как выход из перечисленных состояний организма: *выйти из силы, из толка, *из памяти; (быть) не в могу́те*: *Теперь я из годов вышел, из силы; Таперь уж из толка вышла, всё забыла; Не в могу́те я.*

План выражения концепта «совершенного возраста» позволяет увидеть не только движение человека по оси времени, но и еще раз поставить вопрос о вертикальной / горизонтальной ориентации пространственно осмысляемого биологического времени. По мнению Г.Е. Крейдлина, вопреки «общенаучной» метафоре, предполагающей горизонтальное движение времени, вертикальность темпоральной оси вскрывает «сложная идея возраста, для выражения которой широко используются глаголы *(под)расти, вытянуться* и под., существительные *потолок, зенит, вершина* и др., наречия *свыше и сверх*, сочетания типа *с высоты [своих лет]*, а также предлоги *с, под, за и около*» [17. С. 141]. На материале литературного языка ряд примеров можно легко дополнить: *поднимать детей, на склоне лет.*

Русские говоры также репрезентируют вовсе не горизонтальную топологию возрастов. Человек, выйдя из темпоральной области ГОДОВ₂, оказывается внизу. Дialeкт описывает это состояние выражением *под годами*: *Я теперь под годами хожу; Он ведь тоже под годами; Счас бы токо жить, всего полно. А уж куда: я уж под годами; Он был под годами уже, а всё-таки ожанцлся.* Соответственно, старение предполагает движение вниз: *А вышла-то [замуж] молода, ума не было, так и осталась, вот [теперь] под укос пошла; В*

Москву два раза на спартакиаду [посылали]... Ага, я всё занимала перво, второ место. А потом тут как тут пошла под укос и скатилась на нет; Когда война кончилась, мои уклонны года начались. Городницея работала, почту возила и потом на пензию пошла; Восемьдесят лет, на девятый десяток перевалило; Вот такая моя жизнь протекала с верхушки до дна. Кроме этого, в любом говоре функционируют и общерусские единицы: *Нельзя отнимать ногу: преклонны года. Кровь трофирована, нерв, ткани вот, грит, изо-прели; Наставляла стручковый перец со шпиртом и с этой астмой до глубокой старости прожила.*

Языковые данные, однако, указывают на то, что молодость также находится внизу. Яркий пример – номинации биологически невзрослых организмов или социально неполноправных статусов человека и в литературной подсистеме, и в русских говорах: *подсосёночек* (среднеоб.) ‘маленькая сосна’, *подъязык* (среднеоб.), *подтёлок* (краснояр.), *подлисок; подлеток* ‘подросток’ (орл.), *подстарок* ‘человек среднего возраста, начинающий стареть’ (краснояр.), *поддежурный* (амур.), *подпашечник* ‘помощник пахаря’ (забайк.), *подмастерье, подпасок*.

Таким образом, следует говорить о более сложной траектории движения биологического времени по параболе. Вершинная область ГОДОВ₂ (*По первой ложке за столом хлебали от старшего до нижнего [младшего]; «Женихдло» говорят, когда парню лет семнадцать-восемнадцать, а у тридцатилетнего уже возраст высокий*) – это время зрелости и активности, а смежные темпоральные области до и после «совершенного возраста» – периоды, сближающиеся своей сущностью. В среднеобских говорах нейтрализация, смыкание полюсов описана предикатами, которые передают обратное движение времени: *сдетиться, перейти в детство, пойти уму назад* (кроме того, *сдать назад* ‘постареть’): *Уж таперь сдетился: у его ум, как детский; Дед долго жил, сто лет, а брат его сто двадцать лет, потом он уже в детство перешёл: играл с нами, рыбачил; Старость – не радость: ум-то назад пойдёт.* Таким образом, можно представить следующую схему:

[Г О Д Ы, в годах₁, годная (гожая) душа, годы стали]

↑

войти в годы *выйти из годов*
(подкупать годы, надставляя года) *(отнимать годы)*
под годами, не года, не по годам

↓

сдетиться, перейти в детство

Наконец, заимствованной в последней трети XX в. из элитарной (в терминах Н.И. Толстого) культуры ментальной сущности, также входящей в ряд русских возрастных концептов, следует присвоить имя ГОДЫ₃. Концептуализация ГОДОВ₃ вскрывает представление действительности языком в соответствии с так называемыми «неявными приоритетами», которые передаются имплицитно, невербально, недискурсивно. Один из них заключается в том, что для человека и его деятельности большее важнее меньшего, что порождает частотные конструкции типа *(у меня) давление, темпе-*

ратура и т.д. в значении 'высокое, большое давление (температура)': *Плохо всё с ей. Давление ли чё ли, я не знаю; И вечером у меня температура. И это, давление... И свалилась, как пласт; Ну и простыл, бывает температура тогда. А тут и температуры нет.* Аналогично описывается возраст: большое количество лет (*Уж навало́м годов было*) приводит к изменению их качественной сути. Концепт ГОДЫ₃ обозначает возраст упадка – старость: *годы (года): Теперь органи́зма слаба. Изроблено всё, измучено, изношено. Все худы ста-ры! Изработаны все, изроблены, все работали шцбко. Все изработаны. И года. Года, года; Года, да и здоро-вье плохое; **иметь годы**: Он уж счас имеет годы.*

ГОДЫ₂ вновь частично выполнили роль матрицы для оязыковления нового ментального образования, породив одноструктурные и омонимичные единицы: ***выйти в годы**: Я в годы вышла: девяносто четвёртый пошёл; в годах₂: Татьяны Лексевичин-то это [муж], он же в годах, старый же; Ну я тоже уж в годах была, лет поди семьдесят было; Ну, он в годах, он и на фронте был; А то больна да всё-даки в годах; Молоды бы были, дак так бы [обошлось], а то... в годах; Ну и Галя всё равно в годах, всё равно, чё там [говорить] «молода».* Однако анализ показывает, что сходство одноименных концептов оказывается поверхностным.

В отличие от «совершенного возраста», чье имя ГОДЫ₂ в среднеобском дискурсе никогда не имеет определения, имени концепта ГОДЫ₃ может сопутствовать количественное определение, что свидетельствует о его более позднем формировании: ***большие года**: Я говорю: «Господи, я тоже болею. Года-то большие. Нам надо сидеть либо лежать»; Я уж стара, года большы; Года уже большие, восемьсят четвёртый год. Пережила много; Чё ж, года большие, не смогу жить одна. То нога заболела, приключилась кака-то рожка; **подходящие года**: Года у ней походящиши; **глубокие года**: Года тоже глубоки уж; Года глубокие ведь уже; **такие года**: Как при таких в аккурат годах-то, никуда не уходите [с работы]?; Сама заболела и продала [дом]. Ну чё, такц года. Много я могу жить?*

«Совершенный возраст» позволяет человеку быть деятельным и действующим, оставаясь лишь пространством для его активности. ГОДЫ₃ действуют сами, проявляя себя в агрессии. Подобно противнику, они нападают на человека, чтобы захватить ценности: ***года подшибают, бьют**: [Кажется, что] она кака была, така и сейчас, он пригляделся, а года-то уж подшибают; Здоровье уже начинат [слабеть]: года бьют.* Данная метафора актуальна и по отношению к другому имени концепта: *Я-то бы ешиц пожила, да старость забила, леший бы её не ел.* Идея «битья», видимо, прочно связана с идеей темпорального опыта, иными словами, возраста: *А он-то уж битый был, ему-то уж двадцать три было, он и баб, и девок видал; **Битая**. В почёте женщина. Живд в руки не даётся; Чё она будет [плохое о семье] говорить. Знат, что... Баба-то **бита**.* Таким образом, ГОДА₃, нанося человеку удары, отнимают сущность, которая принадлежит не ему, а возрасту (времени): ***года своё берут**: А это, вот я и говорю: года-то своё всё равно берут. Мало которы здоровы такц; Года, года, своё берут, подходят.* Отметим, что и концептуализация

ГОДОВ₂ обнаруживает ту же идею: проявления совершенства не принадлежат человеку, он входит и выходит из них.

Волеизъявление человека обнаруживается и в изменении протяженности темпоральной области ГОДОВ₂. Манипулировать ГОДАМИ₃ невозможно. При этом данный континуум, в отличие от целостного «совершенного возраста», состоит из отдельных единиц – лет. Они воспринимаются нечто как ненужное, обременительное для человека, с чем следовало бы или хочется поступать, как с любой старой вещью, которую удаляют, выбрасывают, чтобы не загромождался «свой мир»: *Ну, девятый десяток. Лет двадцать-тридцать **отбросила бы**; Так бы **откинула лет десять назад**. **Отбросила бы**; **Лет двадцать бы откинуть**, да и ладно бы.* Однако ирреальность активных действий удостоверяет грамматика.

Постепенное освоение нового концепта при наличии одноименного гетерогенного образования привело к их интерференции. Обезличенному в результате выхолащивания возрастному континууму требуются вторичные определения: *Которы в **средних годах**, тоже с молодёжем играют, песни поют* (Пар. Гор. 1959); *Беркулёзны были редко, и то в **молодых годах**, а в **пожилых** уже говорят: «Всё, не заболел»* (Пар. Нов. 1962). Оба возрастных концепта периферийно объективируются в рамках другой модели движения времени. Интересно, что в данном случае описывается одна и та же возрастная фаза, однако она осмысливается с противоположных точек зрения: (а) как уход «совершенного возраста» – ГОДОВ₂: ***года вышли (выходят), ушли, кончились**: У дочки года вышли; Какд жизнь-то пошла, года-то выхоят и одёжи полно. Раньше ходили по людям работали, а чечас...; Она как-то прибаливат. Года-то выхоят. Зайтцить надо, попроведовать; Всё охота полежать. Года ушли, да роблено было; Жизнь хордша, но годы ушли; Топерь уж года мои ушли; Года кончились;* (б) как приход старости – ГОДОВ₃: ***года подошли (подходят)**: Кому жаловаться? Года подошли; Я говорю: «Ну чё, года подошли, худой пора быть»; Если бьёт на пензию, года подошли, сразу [в]от из городу уехал.*

Итак, в ряду возрастных концептов ТК только «совершенный возраст» подразумевает две границы. Может быть, именно полнота реализации жизненных потенциалов подчеркивается активностью человека и на входе и на выходе из темпоральной области ГОДОВ₂.

Несмотря на отмеченную уже размытость этих границ, одна из них, вероятно, совпадает с границей другого возрастного концепта – молодости. Однако оба отмечены безусловной самостоятельностью. Молодость интерпретируется как время развлечений, доходящих до хулиганства (они описываются в среднеобских говорах предикатами *баловать, блудить, грезить, колобредить*), и поиска брачного партнера: *Иной раз и наблюдшиш чё. Красивы не были, а молоды все были. Господи! Баловны были; Я много баловала. Больша была, а всё баловала; Блудци раньше. Всё делали, и брёвна раскатывали. Всё делали; Прядёшь, прядёшь вечер, клубок напрядёт. А парнишки вкродочку утцуют, да всю деревню обмотают; На посиденки соберутся девчонки, делают чё-нибудь. Робята также приходили.*

Где-нибудь избёнку отпросют, выбелят и сидят. Парни раз двери закрыли, трубу закрыли – хоть захлебдйся; Гадали там всяко молоды на картах, а кто кидал пимы за ворота, а парнёчки подкаравулят да уташуют, потом уж отдадут кода-нибудь... Молодость – порог самостоятельности, т.е. возраст, в котором отдельность человека проявляется непоследовательно. Она существует только на уровне социально-возрастной группы (*Молодёжь сами по себе гуляли, не с женатыми, не со старыми* (Том. Верш. 1988); *Вот холостёжь с женатиками подралась* (Яшк. Кос. 1960)), не реализуясь на уровне личности: *Мать прикажет, чтоб был [дома] в семь часов. Чуть де задержался, она уж с кулаком; Собирались под окном, зимой откупали помещение у хозяина, который бедный, танцевали. А утром отец нарочно ране будит: «Вечёрошники, вставайте, коров доить надо»; В будни пряли, родители не пускали [на вечерки]. Кода крадучи убежишь. У меня мачеха была, так не убежишь. Молодёжь сберётся, убеждшь, как уснут дома. Потом в окошко вбираемся.* «Совершенный возраст» полностью снимает данный взгляд на человека. Для континуума ГОДОВ₂ актуальна прежде всего напряженная, иногда невыносимо тяжелая, но не бездуховная жизнь работника: *Прошло пять-шесть лет уже, мы подросли, нам стало по семнадцать да по восемнадцать, тут мы уже в полной силе стали работать; Вот сегодня у нас праздник, Петров день. Бывдлоча, вечером вся деревня день-деньской шумела. Теперь скучно, как раньше было. Работали вочень тяжело, а жили весело. Вечером посмотришь, там гармошка, там гармошка.* Практиче-

ски все рассмотренные проявления «совершенной стадии» связаны с трудовой деятельностью, которая осмысливается в ТК как самая естественная сфера человеческой активности.

Молодость, как и противопоставленная ей старость, предполагают амбивалентные оценки: *молокосос, сопляк, щенок, старый бабай, старая базыга, старая карга, старый хрыч, старый чулпан.* ГОДЫ₂ – только положительную. Молодость и старость относительны: *Ну, она молодо выглядела супроту меня: вёртка така, иустренька; Она ешо молодая, ей семисят лет; Да ково поди болеет, молода ешо, сорок три года; Но он ешо молодой. Ну от силы ему сорок; [А он знает, что она беременна?] А чёрт ё знает. Чёрт ё знает, кабан! Он старый, ему, наверно, тридцать с лишним лет. Мождеть, и женатый был; А она гыт: «Сватья! Он же для меня старой!» Он с [19]11-ого года, а она с [19]25-ого; А он не угробленный [работой] был, дак чего же. Сын тоже старее его выглядит.* ГОДЫ₂ абсолютны, чем порождают темпоральную самоидентификацию человека.

ГОДЫ₃ если не вытеснили полностью из ТК Среднего Приобья концепт ГОДЫ₂, то привели к его значительному выхолащиванию. Изменилась ценностные доминанты, связанные с концептуализацией данного возрастного этапа. «Совершенный возраст» как отделенное двумя границами время реализации всех сил и возможностей человека уступил место совершеннолетию – не ограниченному полностью, следовательно, и неотчетливому этапу прав и обязанностей, которые связаны с долгом и долгами, виной, проступками, наказанием.

ИСТОЧНИКИ

- Вершининский словарь. Томск, 1998–2002. Т. 1–7.
Словарь русских народных говоров. М., 1965–2005. Т. 1–39.
Среднеобский словарь. Томск, 1983–1986. Т. 1–2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелев А.Д., Зализняк Анна А., Левонтина И.Б. Константы и переменные русской языковой концептуализации мира // Вестник РГНФ. 2004. № 4. С. 74–81.
2. Иванов В.В., Топоров В.Н. К истокам славянской социальной терминологии (семантическая сфера общественной организации, власти, управления и основных функций) // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 87–98.
3. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. 312 с.
4. Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000. 400 с.
5. Матвеев В.А. Начало как продолжение и конец как исполнение (на материале старо- и церковнославянского языка) // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 96–108.
6. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. 528 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980 (1880–1882). Т. 1–4.
8. Трубачев О.Н. Этимологический словарь славянских языков. М., 1977. Вып. 4. 112 с.
9. Звездова Г.В. Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах. Воронеж, 1996. 144 с.
10. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 41 с.
11. Калиткина Г.В. Маркирование «своего» и «чужого» времени в диалектном тексте // Виноградовские чтения. Тобольск, 2005. С. 83–86.
12. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004 (1992). 368 с.
13. Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира. М., 1999. 376 с.
14. Толстой Н.И. Vita herbae et vita rei в славянской народной традиции // Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 139–168.
15. Толстая С.М. Время как инструмент магии: компрессия и растягивание времени в славянской народной традиции // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 28–35.
16. Страхов А.Б. Восточнославянское обыденный (семантика и происхождение слова и понятия) // Russian Linguistics. 1998. № 9. Р. 361–373.
17. Крейдлин Г.Е. Время сквозь призму временных предлогов // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 139–151.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 июня 2009 г.